

* * *

Бежали гурьбою, не ждали беды,
И были порою безмерно горды.
Безликая масса, не то и не се,
Искавшая сразу ответы на все.
Но требует мужества каждый ответ.
«Позвольте мне, юноша, дать вам совет.
Подумайте, юноша, с чем сопряжен
Весь путь наш, и нужно ли лезть на рожон?
Не лучше ль, мой друг, просчитать все ходы?»
...И вот уж вокруг поредели ряды.
Все меньше ребят, тех, что прут на рожон.
Все больше храпят возле любящих жен.
Все меньше безумных, оставляющих след,
И есть кому юным дать мудрый совет.

* * *

Вкус потерян, не то восприятие.
Зябко, даже в полуденный зной.
Старость — это тоска и апатия,
Это боль, что повсюду с тобой.

Позади все пустяшные хлопоты.
Обветшал и былой реквизит.
Старость изредка делится опытом,
Большей частью о чем-то грустит.

Все слабее и все неуверенней,
Ни стремлений, ни сил за душой.
Доживает свой век, что отмерен ей,
Как всем кажется, очень большой.

САГА О ФОРСАЙТАХ

Когда порталы или сайты
Не снились в самом дерзком сне,
Смотрели «Сагу о Форсайтах»
В большой, читающей стране.

Все ждали телепередачу,
Все — и мужской, и женский пол.
Забыв про лето и про дачу,
Про домино и про футбол.

Муж приходил с работы рано,
Супруга, отложив скандал,
Спешила вместе с ним к экрану,
Весь город будто вымирал.

А днем, лишь только соберемся
В обед, во время перемен,
Все дружно осуждали Сомса,
Переживали за Ирэн.

Мы жили хорошо и плохо,
Но всех нас волновал сюжет:
Викторианская эпоха
И ряд последующих лет.

С экрана мягкой походкой
Входил к нам буржуазный мир.
Когда-нибудь и в нашу глотку
Вольют твой сладкий эликсир.

И нам покажут Сагу снова,
Лет этак через пятьдесят.
В стране, читающей Донцову,
Где смотрят все «Пусть говорят».

Чтоб после всех экспериментов
Могла порадоваться ей
И горсточка интеллигентов,
Дожившая до наших дней.

ИВАН СУСАНИН

Так кто же он, Иван Сусанин?
Что спас, по логике вещей,

Династию? Мужик, крестьянин?
И был ли таковой вообще?

А может, подвиг домочадцы —
Дочь Антонида или зять —
Придумали, чтоб подвизаться
И позже льготы получать?

А следом и вельможи строим
Подняли несусветный вой.
Раз Родине нужны герои,
Чем вам Сусанин не герой?

В истории российской нашей
Сей спор идет немало лет.
И в опере известной даже
Меняли пару раз сюжет.

Не каждый знает россиянин
Про монумент и что на нем
Изображен Иван Сусанин
Был со спасенным им царем.

Однако, время подступило
И, как у нас заведено,
С него убрали Михаила,
А с ним Ивана заодно.

Пусть сочиняют анекдоты
Сегодня кто-то, не беда.
Пускай их наши патриоты
Ругают с пеною у рта.

Тех и других я успокою:
Любая правда не страшна.
Не Родине нужны герои,
Героям Родина нужна!

«ЧТО ЖЕ ТАКОЕ СЧАСТЬЕ»

(По Э. Асадову)

Так «что же такое счастье»?
Всю жизнь находиться у власти?
Быть мелким, самовлюбленным
Сегодняшним Наполеоном?

А может быть, счастье, ребята,
Быть просто «крутым» и богатым?
Несметно. Ну, скажем, к примеру,
Российским миллиардером?

В Госдуме заметят резонно,
Что счастье — творить законы.
Жить по которым просто
Жуликам и прохвостам.

А кто-то признается честно
И скажет, что счастье — известность.
Когда у вас личный биограф,
И просят все время автограф.

Ну что ж, и такое бывает.
И счастье, и люди мельчают.
Ни поиска, ни горения,
Одно лишь служебное рвение.
И каждый, пускай и отчасти,
Сегодня по-своему счастлив.

Модель современного счастья
Банально проста, и добавьте,
К тому же еще и наивна,
До глупости, и примитивна.

Модель двадцать первого века
Значительно ниже Казбека,
И вряд ли сопоставима
Хотя бы с высотами Крыма.

МОСКВА ВСЕ БОЛЬШЕ

Москва все больше. Скопище людей
В одном отдельном, небольшом пространстве
Безумию сродни. Но все сильнее
С каким-то непонятым постоянством
Мы рвемся в мегаполисы. Все здесь,
Почти на удивленье бестолково:
Богатство, бедность, нищета и спесь,
Одно неотделимо от другого.
Ты — как осиный улей, не понять,
Москва, твои ходы и лабиринты.
Людей ты заставляешь проявлять
Все низменные чувства и инстинкты.
На сотни верст в длину и ширину
Раскинулась страна, но люди, точно
В затмении, стремятся лишь в одну,
Одну и ту же маленькую точку:
В Москву. И этот пагубный процесс
Затронул очень многих, и не диво,
Что каждый, кто стремится, ждет чудес
И в предвкушенье призрачной наживы.

* * *

Малыш сидит, уткнувшись в гаджет.
Горят восторженно глаза.
Он счастлив, и никто не скажет:
«Послушай, милый, так нельзя».

Никто бедняге не поможет.
Коль надо, не повысит тон.
Родители? Но оба тоже
Сидят, уткнувшись в телефон.

Малыш рассматривает гаджет,
К его услугам все меню.
Посев духовный эта гадость
Уничтожает на корню.

И неокрепшее сознание
Его не в силах устоять.
Как юный Фауст, в состоянии
Он душу дьяволу продать.

Малыш сидит и смотрит в гаджет.
Как с другом лучшим, с ним вдвоем
Проводит весь свой день и даже
Не расстается перед сном.

Ведь все земное в общей массе
По сути — суета и тлен,
И так по-дьявольски прекрасен
Порою виртуальный плен.

* * *

Я, как всегда, опять последний,
Не в «шоколаде» и не в «тренде».
«Не въехал в тему» в нужный срок,
Как все, и «фишку не просек».

Судьба закручивает гайки.
Никто не присылает лайки.
Мобильный телефон подсел
И безнадежно устарел.

(В нем слишком мало килобайтов).
Вдобавок отключил провайдер
За неуплату интернет,
И связи с внешним миром нет.

С досады объявил бойкот
Коту зловредному, и кот,
Которого зовут «Гораций»,
Сидит и ждет отмены санкций.

Мой верный спутник, друг и побортим,
Смирись душою, укроти гордыню,
Тщеславие свое и будь отныне
Бесстрастным к шумным почестям людским.

Стань равнодушным к ним, не сожалей,
Что путь тобою пройденный на свете,
И все, что ты оставил в нем, заметит
И вспомнит недостаточно людей.

Что каждый напечатанный рассказ
И каждое написанное слово
Покажутся сегодня не особо
Значительным кому-нибудь из нас.

Что сотни переписанных листков
И множество рожденных сердцем строчек
В итоге станут только рыхлой почвой
Для будущих, значительных ростков.

